

An aerial night view of a city, likely New York City, featuring a large, illuminated dome structure (the Oculus) and several tall skyscrapers. The city lights are visible, and the sky is dark with some clouds.

Сергей Ковальчук

Рай и ад

Рассказы перенесших клиническую
смерть

16+

Сергей Ковальчук

**Рай и ад. Рассказы перенесших
клиническую смерть**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ковальчук С. В.

Рай и ад. Рассказы перенесших клиническую смерть /
С. В. Ковальчук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Несколько десятилетий назад американский врач Рэймонд Моуди написал мировой бестселлер - "Жизнь после жизни". С тех пор интерес людей во всем мире к теме загробной жизни не только не угасает, но только растет. Эта книга открывает серию: "Жизнь после смерти". В ней свидетельства людей, перенесших клиническую смерть, то, что они видели. Загробный мир глазами очевидцев. Вы делаете приворот? Любите магию и колдовство? Собираетесь сделать аборт? Тогда вам сюда. Верующим же людям книга, с Божьей помощью, их веру лишь укрепит!

Содержание

Рассказ первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Предисловие

«Как ни живи, а Бога не гневи,
есть истина извечная, простая:
собрание людское без любви
не братство, не сестричество, а стая...

Дай, Боже, нам вобрать чужую боль,
ни саном, ни жезлом не величаться!
Жить, как дышать, повсюду быть с Тобой,
и никогда Тобой не прикрываться!...»
(Иеромонах Роман (Матюшин))

Приветствую вас, мои дорогие и любимые читатели! О чем эта книга? Я думаю, эта притча все объяснит.

Молодой жизнерадостный человек пришел к отцу и говорит:

– Отец, порадуйся со мной, я поступил в университет. Я буду юристом! Наконец-то я нашел свое счастье!

– Очень хорошо, сын мой, – ответил отец, – значит, ты хочешь теперь усердно учиться. Ну, а что потом?

– Через пять лет я защищу диплом и покину университет.

– И что же дальше? – не отступал отец.

– Потом я буду изо всех сил работать, чтобы как можно скорее стать адвокатом.

– А дальше?

– Потом я женюсь, создам свою семью, буду растить и воспитывать детей, помогу им выучиться и получить хорошую профессию.

– А дальше?

– Потом я пойду на заслуженный отдых – буду радоваться счастьем своих детей и покоиться в доброй старости.

– Что же будет потом?

– Потом?... – юноша задумался. – Да, вечно никто на этой Земле не живет. Потом мне нужно будет, наверное, как и всем людям, умереть.

– А что потом? – спросил отец. – Дорогой сын, что же будет потом?

Сын еще больше задумался и сказал:

– Благодарю тебя, отец. Я понял. Я забыл главное...

Эта книга открывает серию «Жизнь после смерти». В ней приведены рассказы пяти человек (все из России), которые перенесли клиническую смерть. То, что они видели, когда душа покинула тело.

Я старался записывать за ними дословно. Со всеми словами-паразитами, со многими ошибками в падежах, наклонениях и т.п. Чтобы вы, читатель, могли отличить стиль повествования каждого. Я исключил лишь повторения и явные ошибки, ставя на их месте многоточия.

С Божией помощью, я пишу вторую книгу серии. Надеюсь, вы, мои дорогие, ее тоже вскоре сможете прочитать. Как и все остальные. Ищите и найдите! На сайте ЛитРес.

А выводы делать только вам. Ну, с Богом!

Рассказ первый

Любовь, 58 лет.

(Россия, Республика Северная Осетия – Алания)

«В девяносто седьмом году я очень тяжело заболела. Почки у меня заболели. Врачи не могли установить полностью, что у меня болит. И сильно-сильно я страдала, тяжело болела. И когда узнали, что у меня почки больные, тогда, конечно, урологи уже меня обследовали, и мне объявили, что почку надо удалить. Прооперировали мне одну почку и, оказывается, мне ее удалили. Ну, как мне сказали тогда врачи. И после операции врач мне сказал, что вторая почка тоже очень больная. И эту почку тоже придется оперировать, но через полгода.

И вот не через полгода, а буквально на второй день в реанимации лежала, и у меня и вторая почка перестала работать. И тогда врачи меня снова забрали в операционную, и мне вторую почку прооперировали. Я вся порезанная. Очень сильно страдала, врачи очень мучились со мной. И все это происходило за короткий период времени. И когда вторую почку прооперировали, потом опять что-то плохо работала. И пришлось ее несколько раз оперировать, эту почку.

И в итоге получилось так, что это было буквально перед Пасхой. В вечер, когда завтра должна быть Пасха, очень хорошо помню, хотя мне было плохо, около пяти часов было, врачи должны были идти домой, а они домой и не ушли. Не оставили меня. Так, вообще, за врачей говорят не очень хорошо, но за мной они очень хорошо смотрели. Я очень даже благодарна им, как они спасали. И вот они говорят: «надо тебе еще там посмотреть, что-то там неладное». Я им сказала: «ну, что хотите, то и делайте». И они меня опять в операционную повезли.

И вот, до этого, когда меня оперировали, наркоз мне дадут, и я засыпаю и куда-то проваливаюсь. А это со мною произошло что-то невероятное, которое я не могла понять. Потому что когда они начали меня оперировать, смотрю – отошла от тела я. И я поднимаюсь наверх, да, и за все это время со мной какая-то сила была. Это я чувствовала, и знала даже. Вот, что какая-то сила со мной присутствует, которая меня все время утешает, эта сила, и не покидает меня.

И вот эта сила мне и говорит: «посмотри на тело свое». Я смотрю со стороны на свое тело, и вижу, как врачи там работают. Я ничего не пойму, думаю: «как же я вот тут нахожусь отдельно, а там лежу я». Как будто двоилась, непонятно мне было это. Но это уже не от меня зависело, но я этого не понимала. И я, значит, когда посмотрела в свое тело, оно лежит как халат на нем и врачи там с ним работают, и я полетела. Лечу наверх, со скоростью, и смотрю как белое, вот, пушочек вот такой, как туман, облачко. И думаю: «что со мной происходит?»

Я не знаю определенно, сколько я летала, но в один миг приземлилась. Гляжу, какое-то совсем другое место. Мне стало интересно, где я нахожусь, что это за место. Вокруг меня никого нет, думаю, почему совершенно одна я здесь. И вот какая-то сила, что вот тут присутствует со мной, с правой стороны, и он мне говорит, что надо идти вперед. Я иду вперед. И иду, и иду, и вот эта дорога, там дорога, в общем *неровная*, Я иду, и спотыкалась там, и падала. Потому что я не умела там ходить. И падала, и поднималась, и опять я вперед иду, и иду, сколько-то промежутков времени прошла, да, и дошла до места, где мне надо было в туннель зайти.

Я и не знала, что это туннель. Ну, как труба. И когда вот мне показывается, что я должна по этой туннели пойти, и как я испугалась. Думаю: «Господи! Как я тут пройду?» Темно, страшно. Думаю: «как же я одна там буду проходить?». А мне вот эта сила говорит: «не бойся, ты должна пройти!» И я пошла. Что мне было делать? Иду, и страшно мне, но шла. И когда я до конца прошла, этого туннеля, ну, точно, как туннель, там света не было, ничего, то оттуда

уже показался мне свет яркий. И я так обрадовалась. «кто-то будет уже здесь, – я думаю. – Или была уже ночь, а теперь уже светло стало? День наступил, значит, слава Богу!»

И когда я вышла с этого, ну туда уже, была... там так сверкает! Такой свет яркий, да, что глаза мои ослепились. И я глаза зажмурила, и слышу голос с левой стороны... Женщина мне говорит: «Люба, здравствуйте!» И я так глянула на нее, смотрю, стоит женщина пожилого возраста, невысокого роста, полненькая такая. И я так обрадовалась: «Господи, как хорошо, что Ты кого-то мне прислал!»

И вот она говорит: «меня за тобой прислали». И она ко мне подходит, и я к ней. И она меня взяла под ручку с левой стороны, и мы пошли. А я спрашиваю: «куда ж мы идем?» Она говорит: «вот туда надо идти, куда тебе надо идти. Я тебя туда доведу». И идем. Идем, и там такая же вот неровная дорога. Бугорки там еще, по-моему, больше были. Потому что я сильно падала. Упаду, они меня вот так поднимает (*показывает*), за собой тащит. Мне так плохо... Почему это со мной происходит? Куда я иду? Непонятно, где я была.

А она меня все тащит вперед. И мы идем, в общем, с ней. Идем, идем. Смотрю, мы идем по этой вот тяжелой дороге (дороге там, не дороге), просто разбитая дорога. А вот с правой стороны, смотрю, появились народ многочисленный. Много-много людей там было. Шоссейная дорога, даже сейчас я вижу. Я так обрадовалась! Как хорошо, что люди появились, народ, теперь мне уже не страшно, нечего мне бояться. И вот, когда они по ней идут, по этой шоссеиной дороге, ну, как асфальтированная дорога, вот, и я ей говорю, своей спутнице: «ну что ж мы тут мучаемся и идем по этой вот трудной дороге, разбитая дорога, бугорки, падаю я». Я не могу, мне плохо было. Я же сильно болела, и я не могла идти, мне так плохо было.

А она вот так отдернула (*руку*), и говорит: «а тебе нельзя. Нам не по этой дороге надо. Эти люди еще когда, – говорит, – придут. Эти люди тоже туда идут, но они еще когда туда придут, неизвестно. Они еще, – говорит, – долго будут идти. А тебя сейчас ждут». И я когда посмотрела на них, думаю: «что же они долго так идти будут?» Столько там народу, да, и я когда на них глянула, там увидела очень много знакомых. И даже близко знакомых. И когда вот мы их уже прошли, мы же быстро прошли, я еще так оглянулась на них, и они, правда, шли вот так с замедленной скоростью, вот (*показывает*). Медленно-медленно.

На самом деле они когда придут, неизвестно, это один только Бог знает. А мы пошли... Вот уже года два прошло, наверное, и вот знакомые, не один, а там несколько было, кого я знаю, они на том свете сейчас. Оказывается, как мне объяснила вот эта спутница моя, что все туда идут, народ. Бессмертной жизни нет, но у каждого свое время, свой час, от этого никто никуда не денется. Это уже мне потом объяснила она.

И, таким образом, пошли мы дальше. Идем, идем, мучаемся вот так, и дошли до места, где нам надо было перейти мост. Вот мост там, пропасть. И она мне сказала, что вот этот мост нам надо пройти. И я, когда глянула на этот мост, и вот такой узенький мост (*показывает*), и перепугалась, и думаю: «ой, там внизу пропасть и темнота». И думаю: «Боже, я туда упаду если, кто меня еще найдет?» А она говорит: «не бойся!»

Я пока так думала, она меня уже перевела через этот мост. И мы когда очутились на той стороне уже, самое удивительное вот тогда со мною случилось. Вот эти все мои болезни, страхи, ну, что у человека бывает, все осталось вот с этой стороны, по ту сторону моста. Туда ничего не занесла я. Чтоб понятно было: никаких страхов, никаких болезней. Я стала, как вот этот пушочек, правда, легкий. Мне так легко стало, и так мне хорошо стало на душе, из моей головы выскочило все буквально. Все, я уже этого ничего не помнила, всего, что со мною было раньше. И меня вот это удивляло, вот это состояние. Думаю: «как же это? Что со мной произошло? Как мне хорошо и как мне легко!»

И я вот еще когда глянула на это место, куда мы перешли, и тут тогда вообще было удивительно. Там все было зеленое: и с этой стороны, и с этой (*показывает*). Трава была вот такой высоты (*показывает*). Смотрю, бесконечная, конца не было, такая там красота. И в этой траве

разные-разные цветочки красивые. И они так пахли, вот, благоухали. Но я тогда не понимала, что такое благоухание... просто мне было удивительно, приятно. На Земле я такого никогда не видела, и, вообще, такую траву никогда не видела. И у меня глаза разбежались вот так (*показывает*). И забыла, что со мной происходило. Еще когда увидела вот этих мелких птичек, как они там чирикали и прыгали. Это вообще, природа, ну, это так не передать словами. Это если не увидеть их, так не передашь.

И я вот это все хочу увидеть, а эта спутница меня тащит. Ну, что надо идти, мол. И пошли мы, конечно. И вот как мост был узкий, так и вот эта тропинка там была узенькая. И вот по этой тропинке мы шли. Я думаю: «вот сейчас на траву наступлю и испорчу, и меня кто-нибудь будет ругать, наверное». Жалко было даже, чтобы наступить, такая красота.

Мы с ней пошли, идем, и она меня ведет. И я говорю: «ну что это за страна? Такая здесь красота, – говорю, – такого у себя на земле, там, где я живу, такого я никогда не видела. И спросила: «Господи! Ну, где я нахожусь? Ну почему она мне не говорит, где я нахожусь?» И она мне говорит: «вот когда я тебя приведу туда, куда тебе надо, тогда ты и узнаешь, где ты находишься. А сейчас нам надо идти». Ну что мне было сказать?

Шла я с ней. И вот, идем-идем и там уже показались много людей. Люди были тоже необыкновенные. Не такие, как у нас, где я живу. И я смотрю: вот, с правой стороны, вот такие полированные столы стоят длинные, да, и там, вокруг этих столов сидят мужики. Мужики были старшего возраста. И они сидят, и беседуют между собой. О чем-то, как будто, вот, разговаривали, какие-то вопросы решают, понимаете. И они все так красиво одеты, и все такие они довольные, вот такие лица у них. Ну, не такие, как вот мы здесь. Все в заботах, все бежим, да что-то нам надо, да что-то нам надо приобрести, купить чего-то, ну, суета. Вот этой суеты там нету.

И я так удивилась вот этому. И смотрю, когда я так смотрю на них, и там моих родственников много было. Дядя там мой сидел, сосед мой сидел там. И я там думаю: «ой, ты посмотри, родственники мои здесь, умершие уже». И все равно до меня не доходило. И вот я, значит, ее спрашиваю, бабульку вот эту, спутницу мою. Я говорю ей: «ой, мне, – говорю, – надо с ними поздороваться! Мои родственники, – говорю, – и сосед мой сидит. Я должна с ними поздороваться». А она меня вот так одергивает (*показывает*) и говорит: «а тебе нельзя с ними здороваться. Вот я когда приведу тебя туда, куда тебе надо, и когда тебя примут, и ты здесь будешь, и всех будешь видеть и со всеми будешь здороваться тогда. А сейчас нам надо идти».

Пошли мы, и когда вот этих мужчин прошли, с другой стороны женщины были. Женщины такого возраста, вот, как я. Они вот тоже стоят нарядные, красивые, довольные. Красивые тем, что они, вот у них радость! У них любовь! У них светятся глаза! Беззаботные. Ну, человек, вот, когда бывает довольный в своей жизни и ничего ему не надо, вот и представьте. Вот это красота и есть. Там женщины отдельно, мужчины отдельно. Ребята такие молодые, молодого возраста. Они вообще были красивые! В белых рубашках, одинаковые костюмы, и красота такая! И вот они тоже точно такие же красивые. Мы когда их перешли, девушки там появились. Много девушек. Все такие стройные, красивые. Все в белых халатах; отверху до пятки, в общем. Больше всех они мне понравились.

И я говорю: «ой, какие красивые девушки! А кто они такие?» Все одинаково одеты. А мне она говорит, спутница моя: «это – невесты Христа!» И, когда она сказала: «невесты Христа», я не поняла, что это такое. Конечно, я не понимала ничего подобного. Не видела никогда и не знала. И вот после них там детей было много. Дети. И вот эти девушки, молодые которые, в белых платьях, вот они тоже ими там занимались, присматривали за ними. И она мне говорит, вот, моя спутница... Я ей говорю: «ой, а это чьи дети?» А она говорит: «это дети, которые сюда пришли. Они будут расти до тридцати трех лет. А пока, вот, за ними присматривают эти невесты Христовы».

И когда прошли мы их всех, да, мы начали подниматься куда-то вверх. Вот как ступеньки были, но не ступеньки, а вот... там степени. Степень, степень, степень (*показывает*), и вот мы поднялись, вот, где-то семь или девять степеней мы поднялись. И мы на самую высшую поднялись. И когда мы поднялись, еще мне так легко было. Я уже не болела. Чем выше я поднималась, тем лучше мне было, и легче мне было. И с удовольствием я поднималась... И меня вот это внутри удивляло: как я болела, и как мне теперь хорошо, легко. И когда мы поднялись на самую высшую ступень, она мне и говорит: «вот и пришли, куда нам надо было идти». И когда мы остановились, я посмотрела, вот так подняла голову (*показывает*). Ой, столько церквей, церкви там. И когда вот так помотришь, да, и наши кавказские горы видно, да (*показывает*), вот точно. И такая красота! Там так же точно. И прямо вот конца и края не было, столько церквей. Сияют прямо. Купола ихние золотые вот! Блестят, глазами не рассмотришь. Там вообще свет был такой яркий, как вот солнце. Вот когда мы на солнце смотрим... И вот представьте, везде вот такой свет. И все там сверкает. И вот эти купола золотом сверкают.

Там свет полностью как солнце. Там другого света нет. И когда вот этот яркий свет и все сверкает, я прямо была удивлена. Думаю: «вот какие церкви здесь. Что за церкви? И тогда мне эта бабуля говорит. Один из них, в середине, был центр. Он самый был высокий. Вот надо было мне туда заходить, в этот, ну, как собор. Самый большой собор, вот туда мне надо было зайти. А там были ворота, и ворота тоже, когда я глянула, они были до небес. Ну, нам это до небес, да. Конца не было им. Ничему там конца нету. И когда она мне сказала... ответила: «вот туда тебе надо зайти».

А ворота были черные. Все сияет, все сверкает, а ворота, калитка, почему-то была черная. И вот эта калитка была ж закрытая, а я говорю: «а как же я туда зайду?» Она мне говорит: «сейчас откроются, и ты зайдешь». На самом деле, открылась калитка, и я туда зашла. Ну, как зашла... переступила порог и там уже я внутри, да. Она говорит: «я тебя здесь подожду». И когда я переступила порог, и я смотрю – совсем сверкало и сияло там. Там был вот так, чтоб понятно вам объяснить, алтарь.

Как в церкви, вот точно так же. И вот прямо около меня стоит кресло. Трон. Это потом я уже узнала. Впереди меня. В этом троне сидит Царь, одетый в такие царские одежды. И все сверкает. Я когда это увидела, думаю: «о Боже, это точно, – думаю, – наверное, сказка». Ну, как в сказке. Когда маленькие были мы, нам показывали такие сказки. И думаю: «в сказку я попала». И когда я так только подумала, да, Он, этот Царь, сидел ко мне, конечно, спиной. А лицом Он был к алтарю. И Он говорит, не поворачивая ни голову, ничего: «а, это ты пришла?» А я даже как-то от голоса Его вздрогнула и говорю: «да». И что меня удивило, что я говорю: «да», а моего голоса не слышно. Думаю: «что происходит?»

И Он тогда второй вопрос говорит: «ну, скажи мне фамилию, имя и отчество?» Я сказала фамилию, имя, отчество, и вот с правой стороны который все время, всю дорогу сопровождает, сила какая-то, Ангел Хранитель это был, он мне показывает, чтобы я посмотрела, где вот, где записывают меня. И я когда глянула на стену, стена там была, стены там тоже, этим стенам тоже конца и края нету, и вот смотрю – меня записали: фамилия, имя, отчество. И я, когда их увидела, записи были точно, как вот на кладбище, на памятниках, ну, печатными вот такими буквами (*показывает*) записались. Как на компьютере вот пишут, вот так (*показывает*). И я их когда увидела, и тогда вот, в один миг, я сразу подумала: «о Господи, я ж, наверное, умерла».

И, когда я так только подумала, Он меня спрашивает: «теперь еще скажи мне год рождения?» И я хотела рот открыть и сказать год рождения, и смотрю, оттуда вон (*показывает*) в алтаре нам навстречу идет мой муж умерший. Он в девяносто первом году уже умер. Он уже узнал, что я уже там, и он пришел. И вот он идет ко мне, к Царю. И я так совсем удивилась. Думаю... от удивления я уже ничего не могла сказать, понимаете, как? А он подошел медленными шагами, и к этому Царю подошел. И преклонился вот так (*показывает*), и Ему говорит: «Господи, я умер и здесь я нахожусь, и теперь, – говорит, – моя жена тоже умерла. А что ж

теперь с нашими детьми будет?» Ну, загоревал он так сильно. Даже так у него слезы потекли (*показывает*). «А один ребенок у нас, – говорит, – такой болящий с детства. А он теперь кому нужен?» Так загоревал. И поклонился Ему вот так (*показывает*) и повернулся, и ушел. А я даже обиделась, я говорю: «Что за мужчины? Даже на меня не глянул» (*смеется*), и вспомнила, что эта моя сопровождающая сказала мне что: «тебе нельзя с ними пока здесь общаться. Пока тебя не примут».

И я уже начала понимать, где я нахожусь, когда мой муж обратился к Нему, Кто сидит там, и Кто меня принимает. Понимаете, как? И тогда Он молчал, там была пауза. И в это время я думала тоже думки свои вот там. Думаю: «теперь этот Господь, Господи! так я сильно захотела Его увидеть. Вот лицо. А я же сзади стояла. Думаю: «Господи, неужели это Господь? Господи, как бы мне Его увидеть? Какой Он есть?»

И в этот миг меня Господь сделал как... ну, я сделалась как муравей. Вон там внизу (*показывает*), где-то очень низко, а Он такой величины (*показывает*) я не могла Его уже и достать, и увидеть Его как-то. Как увидишь?.. И я совсем испугалась, только хотела увидеть Господа, и что со мной произошло! Что со мной вообще происходит? Это удивительно вообще. Оказывается, Господь мне показал, какой человек ничтожный и кто он такой около Господа. А мы кто такие перед Ним? И потому я обратно стала, Господи (*крестится*) такой же, как я стояла, и Он около меня сидел. Тогда Он молчал же и думал, наверное, что делать. И я вот в это время, увидела, рассмотрела: у Него стол стоит и на столе стояла Книга большая (*показывает*). Эта Книга, я удивилась, что вот эта Книга, Библия, которая открыта (*показывает на столе раскрытую Библию*), вот точно так же открыта, но на весь стол. И мне это дали увидеть, чтоб я видела это. Просто мне непонятно было, что это за Книга была, конечно. Я же ничего не знала. Точно так же, как все люди.

И вот тогда Он думал, и какое-то время пауза же была, и тогда слышу голос Его. Вот так вполоборота голову Он повернул (*показывает*), на правую сторону, где я стояла, и говорит по-осетински и тут же на русском повторяет: «знаешь, что? Я тебя сейчас не буду принимать, пока. Отправлю тебя на Землю обратно. Пойдешь к своим детям. Но не просто тебя отправляю, а чтоб ты ходила в Храм православный, и молилась. И чтоб твои дети молились. И всем вам молиться надо на Земле!» И замолчал.

А я про себя думаю: «ой, Господи, молиться надо, а как же молиться? Хоть бы, – думаю, – научил Он меня, как молиться». Я знаю, как молятся, но раз Он говорит, что молиться надо, думаю, наверное, как-то по-особому надо молиться. Думаю: «хоть бы Он меня научил, что я должна делать». И потом опять повторил: «Будешь молиться». Вот когда Он сказал, что на Землю Я тебя отправлю, и будешь ходить в православный Храм, и будешь молиться, Он тогда еще мне сказал. А-а, вот тогда, когда я подумала так, да, а Он же, оказывается, мои мысли читает, и Он говорит, вот тогда уже построже. Как бы в приказном порядке. И Он так говорит, голос уже выше стал: «да-а, да-а, молиться вам надо, и каяться вам надо за свои грехи. А то у вас столько грехов там, на Земле, что они уже до Небес доходят».

А я и не знала, что такое «каяться», представляешь? Вот «каяться» – непонятно мне было это. Думаю: «интересно, что это такое – «каяться?» Вот представляю – я вот сейчас людей понимаю. Они тоже не знают, что им делать, и как им быть. Я такая же, как все остальные люди же была. И Он мне просто все это объяснил. Я раньше в церковь ходила. Зайду, вот как все, зайду, свечку поставлю, и уйду. И думала, что на этом все. Не читала ни Божиих книг, ни Евангелия, ничего я не читала. Стояла на службах, ничего не понимала, но Бога я признавала с детства. Потому что у нас семья... Я со страхом Божиим жила. Потому что меня так научили. У нас бабушка была очень верующая, сильно молилась Господу, и дедушка. И все время она говорила, что надо бояться Бога. Но я-то не понимала, как это надо бояться, но она вот как это объясняла: «когда ты что-то делаешь, прежде надо подумать о Боге. Что Бог тебя видит и может наказать». И я вот этого всегда боялась.

И еще говорила, что, когда тебе Господь дал вот что-то, ну, покормил тебя, это все Господь дает, надо благодарить Бога!» Она даже пример нам приводила. Я маленькая была, помню, как она говорила: «Вот, – говорит, – смотри: птицы, вот даже... курицу покормили, а потом курица выпила воду и голову подняла, – говорит, – вот так (*показывает*), и поблагодарила, – говорит, – Бога, и все. А человек, – говорит, – неблагодарный. Не благодарит Господа. А мы все должны благодарить, точно так же, как вот птицы, как все».

Это она мне пример приводила, потому что даже птицы, говорит, и то за все благодарят Бога. И мы все должны благодарить Бога всегда за все. И тогда, конечно, я маленькая была, не так понимала. Но она меня учила вот этому. Я поэтому всегда по жизни со страхом Божиим жила. Я все время боялась Бога. Я знала, что, как она меня учила, что Господь вот у нас над головой находится (*показывает*). И накажет нас. Если я что-то не так сделаю, Он меня может наказать. Так что мы всегда молились Богу и всегда Его любили. Я всегда Его помнила и вот я уже семейная, и то я все время с Богом. Но вот таких вот точно церковных молитв я не знала. Потому вот я ждала от Господа, что Он меня научит. Если что-то я не знаю, Он мне подскажет. Да, я вот уже такая радостная была, что раз это Господь, и Он меня посылает в церковь молиться, Он мне покажет, скажет, как я должна молиться. Вот это я думала в душе.

А Он потом, я же волновалась, Он мне говорит: «не надо так волноваться. В церковь начнешь ходить, и все ты научишься. Только вам всем надо молиться. И каяться за свои грехи. Очень мало времени у вас осталось. И когда Он сказал: «очень мало времени осталось», я перепугалась так... а как же нам быть? Что нам делать? И вот тогда Он мне сказал: «не надо так волноваться, но надо молиться и каяться за свои грехи. Это ваше спасение!» Он мне это три раза повторил. «Молитесь, кайтесь – это ваше спасение! Очень мало времени у вас осталось».

И вот, когда Он мне это сказал, и Он же уже понял, что я ничего не понимала, я совсем вот духовно... Господь нашу душу «от и до» знает, и Он мне тогда говорит: «вот все, что ты здесь услышишь, и все, что ты здесь увидишь, – оказывается я должна была еще что-то увидеть, – все ты должна будешь рассказывать, когда ты придешь на Землю, народу». Вот Он мне сразу сказал, когда Он мне сказал: «Я не просто тебя отправляю, а будешь молиться и каяться», вот тогда Он мне это сказал, что: «будешь выполнять задание Мое!» А какое задание, я еще и не знала. Потом Он уже объяснял мне, и объяснил, что: «будешь рассказывать все, что ты здесь услышишь и все, что ты увидишь».

И тогда вот эта ответственность за душу меня как схватила... Как я это буду рассказывать? А кто меня услышит, и кто мне поверит, что я около Господа стояла, и Он мне это говорил? И Он тогда так голову поворачивает (*показывает*), и мне говорит. И когда Он голову повернул ко мне, в этот миг, да, вот этот миг мне дали Его увидеть, Господа. Он мне дал увидеть Себя. Ой! Это вообще ощущения ни за что ни с чем нельзя сравнить. Вот когда вот так голову повернул (*показывает*), и глянул на меня, да, вот этот миг как будто меня током ударило вот отсюда (*показывает*), с головы до ног, и я как будто преобразилась вот в какую-то другую, в общем. Вот ко мне поступила от Него теплота. От Него исходила любовь. Знаете, вот это не могу даже передать ощущение, вот. Это очень необыкновенно. Языком не передашь. Это состояние души и тела стало вот такой... И вот у Него голубые-голубые глаза, Красивый такой, ой!

Вот один миг Он мне дал Себя увидеть... Мне потом открылось, что вот этот свет, который там сверкает, это от Господа! Тепло, которое дается нам, это тоже от Господа. Все от Господа, все Господь нам дает! А народ этого не знает. Он так и сказал: «будешь рассказывать народу то, что ты здесь увидишь и услышишь. Потому что народ на Земле глухой, слепой и немой. Им надо открыть глаза, чтобы они увидели, чтобы услышали и чтоб поняли. И чтобы они знали: после земной жизни, временной, существует дальше жизнь в мире ином, но это духовная, другая жизнь». Просто жизнь там вечная. Продолжается дальше жизнь.

А народ же этого не знает на самом деле. Это и я не знала. Так же и народ не знает. Вот поэтому и Он мне поручил, чтобы я вот это вот рассказывала. Так и сказал: «все, что ты здесь услышишь, все, что ты здесь увидишь, все ты должна будешь рассказывать народу. А народ свой путь выберет уже». Когда Он мне это говорил, я так разволновалась. Говорю: «Господи, кто ж мне поверит? Или кто меня будет слушать, что я была у Господа, и вот это все я видела? Они ж ничему не верят». И Он тогда мне сказал, что: «Это Сам Господь Иисус Христос тебе такой наказ дает и такое задание! Будешь рассказывать это народу. Три раза, – говорит, – человеку скажешь, он свой путь выберет. А остальное Я Сам разберусь». Вот так и подчеркнул Он: «Я Сам, – говорит, – с остальным разберусь!»

И дальше потом Он мне говорил, что как мы грешны вообще. За наши недостатки. Как мы отошли от Бога, как мы не так молимся, понимаете? А я ж этого тоже ничего не понимала. Точно так же, как все люди сейчас вон. Вот людей мне сейчас жалко, потому что они не ведают, на самом деле, что делают. Он так и сказал, что: «вы там на Земле из ума вышли, и не ведаете, что вы делаете. Кроме денег и богатства, ничего вам не надо. Но надо молиться и каяться за свои грехи. Вот это только ваше спасение».

Ни деньги там не нужны, ни машины, ни самолеты, никакие богатства не нужны. Только душа там нужна, чистая душа. Очистить свою душу и там предстать перед Богом. А люди же не знают этого. Люди говорят: «а что еще после этой жизни, какая жизнь еще?» Они не знают и не хотят даже многие знать. Но вот я им сейчас должна это рассказывать. И народ должен знать, слышать это, что после земной, временной жизни есть следующая жизнь: вечная. И настоящая.

Вечная жизнь – это у тех людей, которые находятся в раю, А вечная жизнь-мучение – это в аду. Там два пути: рай и ад. И каждый человек свой путь выбирает. Поэтому мне Господь сказал, что мы свой путь выбираем на Земле уже. А там уже, когда мост перешли... Вот я же сказала, что мост перешла я, все, что на Земле было, все осталось за мостом, все осталось на Земле. Вот эта суета, вот это, как мы друг друга не любим, как мы друг друга ненавидим, как мы друг другу завидуем. Что мы все время... зла полно, зло вот. Среди народа я и не понимала, какие у нас грехи. Так же, как сейчас мне говорят: «А какие у нас грехи? У нас никаких грехов нету».

И я точно так же не знала, не понимала, но мне объяснили там, какие у нас грехи. И я сейчас буду о них говорить. Когда вот Он мне эти слова сказал, и мне сказал, говорит: «все надо рассказывать народу, все надо говорить. Все, что ты здесь увидишь и услышишь». И потом Он мне еще сказал много тайного, которое я не могу сказать. Даже я их должна забыть. И Он мне сказал, что: «вот смотри», – говорит. Он понял, что... да Он и так знает, что... Он же сказал, что: «вы только о чем-то начинаете думать или хотите подумать, а Я уже все знаю». Потому что душу-то Он нам дал. И Он непосредственно наша душа. Он – наша душа. И мне сказал: «не только в Божий Храм надо ходить и молиться надо, а надо добрые дела еще делать». Добрые дела. И Он тогда мне сказал: «вот, – говорит, – смотри...». Когда сказал, что народ же слепой и глухой, немой, они не ведают, что они делают. «... и для этого, вот, я тебя и посылаю, чтобы ты это рассказывала».

И Он мне говорит: «Смотри» – по-осетински сначала мне сказал: «... *речь на осетинском языке* – смотри, слушай и запоминай». И я когда глянула – во-он там в углу, в этом алтаре бесконечном, стоит Крест, который вот висит (*показывает*). И около Креста планочка какая-то появилась. И я вот это не поняла. Там были написаны или записывались, когда Он говорил. И Он говорит, Кто Он такой. «И вот это послание, – говорит, – чтобы каждый человек знал»... Это Его слово я передаю. Я на самом деле кто такая?... Но Он мне такой наказ дал. И говорит:

«Я ваш Свет, а вы не видите Меня. Я ваш Путь, а вы не следуете за Мной. Я Истина, а вы не верите Мне. Я ваша Жизнь, а вы не ищете Меня. Я Учитель ваш, но вы не слушаетесь Меня. Я Господь, а вы не повинуетесь Мне. Я ваш Бог, Любящий вас, а вы не молитесь Мне. Я ваш лучший Друг, а вы Меня совсем не любите. А вот когда вам плохо – не вините Меня!»

«Вот это, – говорит, – надо, чтобы люди все знали. Когда вам плохо бывает, вы за Меня не вспоминаете, вы не молитесь, вы не обращаетесь. А когда вам плохо, вот тогда, – говорит, – вы Меня начинаете вспоминать и обвинять. Или ругать», да. Когда что-то плохое случается – «Господи, ну за что же Ты меня? Да где ж Ты находишься и куда ж Ты смотришь? Что ж Ты нам не помогаешь?»

А что ж мы, когда к Нему обращаемся?.. Он мне так и сказал: «молитесь, просите, и дано вам будет. Я, – говорит, – от вас ничего не хочу. Я вам все даю. А вы просите. Молитесь, просите и все вам дано будет». И правильно...

Я говорю: «Господи, ну что ж нам делать-то?» Я даже и не знала, что такое грех, не понимала. А Он говорит: «все надо на Земле исправлять, пока вы там на Земле». А исправлять нужно все. Господь Всемиловитый. Он все нам простит. Только надо обратиться. А обратиться мы должны только молитвой, покаянием. Он так и твердил все время, что молитва и покаяние – ваше спасение! Это ваше спасение, пока вы находитесь на Земле. Если вы переступили уже порог земной вот уже на Небесный, все уже. Там уже вот вы с чем придете, с тем и останетесь здесь. И я это уже помню здесь, знаю уже, потому что мы здесь если за свои грехи не покаемся и туда придем вот с этими грехами, какое нам прощение и какое нам... Как в Библии написано. Вот сейчас я когда с людьми беседую, они говорят: «Как это? Господь Всемиловитый! Он наш Создатель, Он нас простит». А я им говорю: «ну как же Он вас простит, когда вы хулите на Бога?..» А я говорю: «Он просто ничего не просит нас. Он так и сказал, что все Я вам буду прощать, только покаяние принесите. Покайтесь, и вы будете спасены».

Значит, мы должны молиться и каяться, и Он нам все простит. Вот постоянно мы должны молиться и постоянно мы должны каяться. Понимаете как? Вот мы каждую секунду живем, это же земная жизнь, а на земле жизнь вся греховная. Во грехе же мы живем. А если... ну как... человеку чтобы было понятно, народу, да. Они не понимают. «А зачем, мы что, – говорят, – сделали?» Мы не убили, не украли... Они хотят, народ, жить весело. «Пока, – говорят, – мы здесь живем, мы должны пожить и получить все достаточно, что нам положено».

А они же к Богу не обращаются, грешат. А сегодня согрешил, завтра согрешил, послезавтра согрешил... И оно вот скапливается. И вот, чтобы народу было понятно: вот попробуй один месяц не искупаться, один месяц не помыться, не покушать. Как же это так? «А как, – говорят, – это так? Мы же кушать должны!» Так вот, как ты должна утром встать и покушать, ты точно так должна обязательно помолиться. Сначала к Господу надо обратиться, чтобы Он нам дал кушать. А потом, когда вот день прошел, покушали, поблагодарили Господа. А потом, когда вечер наступил уже, помолись опять и ложись спать. И дай свою душу и тело Господу. Мы же можем каждую секунду умереть.

Вот смотрите. Вот сегодня мы день провели, покушали, поработали, все мы сделали... Уже я это давно хочу сказать, конечно, народ абсолютно ничего не понимает...

Она же мне и объясняла все. Вот смотрите. Что мы неправильно молимся... И она мне говорит потом, подтверждение она это сделала, что: «а вашему народу Господь такие места дал. Вам, святые места дал. Вот в горных местах. Молитвенные места, куда человеческая нога не подступает. Туда только поднимался один человек, молитвенник который был. Как батюшка. Это же все случилось, когда всех батюшек наших... это же гонение на этих, на православие, и вот тогда такие места Господь нам дал. И это неправда, когда говорят, что вы молитесь там деревьям, поклоняетесь. Это неправда. Деревьям никто из нас никогда не преклонялся. Там есть святые места. Вот, например, как в Фиакдоне. И я очень много... Вообще зуар – это крест. Крест – это по-осетински «зуар». И вот где и куда молились люди, и к кому обращались (какому святому), там крест всегда был. Я сейчас все объясню.

И вот мы просто сейчас неправильно молимся. А раньше наши когда старые люди жили, предки, они правильно молились. Потому что туда приходил вот один молитвенник... И при-

ходил туда этот молитвенник... И к нему приходили, благословение брали... Ну как к батюшке приходят и благословение берут, вот так...

Это человек чистой души, чистота в этом человеке... Люди так привыкли молиться, да. И вот к этому человеку приходили, только ребенка посылали. Туда только ребенок мог подняться. Не так, как сейчас – все, кому не лень, все туда идут, да... Я лично ходила вот так. Я помню хорошо, мне 58 лет, ну, лет 8 когда мне было, я помню же хорошо это все. И вот там сидит, там находится вот этот человек. Вот в церкви когда получаем благословение, это точно такое же благословение. И наша семья уже, и все семьи садились... А там ты дома уже как хочешь, так молись. Но как хочешь, не было тогда. Бога боялись, и никто ничего не позволял лишнего...

Все жили по Заповедям. Чтобы Господа не обидеть. «Это все сейчас, – говорит, – вы осквернили». Она мне сказала. Мы осквернили это все своим поведением, пьянкой. Вот, смотри. Вот у нас святой куст – это очень святое место. Просто народ этого не знает, многие. Но сейчас уже об этом разговор идет. Куст Хетаг. Этот Хетаг был тоже святой человек. Молитвенник был. Он везде бывал. И в Феогдоне был, по святым местам ходил, понимаете как. Вот меня Господь как вернул же, и я вот хожу же и людям проповедь делаю, да. Прославляю Бога и слово Божие передаю, да. И вот, когда на меня могут быть такие напасти..., что дальше некуда, вот я уже не могу этого переносить, Господь мне посылает помощь. Уже было со мной такое. Вот точно также было с Хетагом. Хетага хотели убить за веру. И когда за ним гнались, и его хотели убить, застрелить, вот здесь вот как раз, где вот этот куст, он туда когда смог добежать, и он уже дальше не мог идти, уже выдохся он, и вот-вот его должны догнать, и у него до того была вера, да, крепкая, как Георгий Победоносец, как все святые, и он тогда на колени упал и обратился к Господу. «Закрой меня от врага!» – говорит.

И вот представьте, какая у него вера была. И Господь к нему присылает Георгия Победоносца. И Георгий Победоносец идет к нему. И видит – явился к нему. Видит, что вот-вот уже догонят его, и он даже не сможет уже сделать ничего... и там вот образовался этот лес. И он затерялся. Они его в лесу уже не нашли... В общем, перекрыл им дороги. И они его тогда оставили и ушли. И когда он это чудо потом рассказал людям, да, которые в то время жили, они ж тогда сильно верили в Бога... Вот я сейчас говорю-говорю много, а люди даже не верят. А за это неверие будут отвечать потом. И он рассказывает это, и все люди взмолились, и начали молиться, понимаешь.

Как это, Господь прислал Георгия Победоносца? Он же покровитель наш. Когда начали там молиться... Вот если бы явился так ко мне Георгий Победоносец, и я бы это рассказала, мы бы уже все молились тоже. Да? Правильно? И вот они там начали сильно молиться, молитвы начали возносить к Господу за спасение, да, этого человека... И так же он может и другого спасти. Только надо такую веру иметь сильную. И потом со временем... его...

И вот она мне это объяснила... А у нас в горах знаете сколько таких мест? И вот надо к ним молиться. Но надо к ним молиться, как положено. Не греша. Вот даже когда у вас праздник этот (*называет по-осетински*), меня хотят пригласить... они там часовню построили и там будет много народу, народу вот это объяснить. И вот в такие места нельзя вести барана и там резать... Нельзя, как мы это делаем. Там не надо осквернять. Вот в одно время... сейчас еще ничего, а вот в (*называет место по-осетински*), туда привозили барана. Зарежут, вот эти все кишки туда бросают, оставляют. Что там творилось... Слава Богу, сейчас запретили это и убрали: чисто там. Если даже они делают, то там, на окраине где-то там, да.

Вообще там нельзя... Остальное мясо все надо дома делать... Там должна быть чистота. Там только должна происходить молитва. Как в Храме. Это такой же Храм, только без куполов. И вот это пока мы не будем делать, у нас будут и трагедии, будут и неприятности.

Вот когда она мне все это объясняла, да, вот наши обычаи... Я вот говорила, например, есть обычай такой – столы накрывать, да. И накрой. Только это делать надо по Божьим Законам,

а не так, как тебе это хочется. Если ты к Богу обращаешься, то делай так, чтобы тебе греха не было... Во вред себе чтобы ничего не было, понимаете, как. Она сказала же ясно, что: «конечно было бы лучше вот это все, что ты туда тратишь, вот на этот стол, за это бы ты бедному человеку помог. Болящему, немощному, который болеет, и он не может купить себе вот этого. Все, что ты купил, да. И это называется – добрые дела. Это называется милостыня. Вот есть такие дети, которые совсем без родных, без никого. И они бедные голодные. И вот если ты вот такого ребенка накормишь, Господь тебе... очень много грехов тебе простит. Если вот так делать.

А если мы вот этот стол накрыли и позвали себе подобных, чтобы... наесться, напиться, я вас уверяю, Господу от этого никакой пользы. Ему вообще никакой пользы, но ты никакой пользы не получишь, это сто процентов. Просто мы, народ, привыкли вот так. На самом деле, когда Он правильно сказал, что: «когда вам плохо, тогда вы Меня начинаете вспоминать». А так, даже я знаю, что вот клянутся Богом, это вообще нельзя произносить. Вот Землей. Мы кто такие? Господи, это святое! Это же святость какая! Ну как можно такие слова говорить? Нельзя такие слова говорить. И вот Матрона же вот сказала прямо, ясно сказала, что Господь устал от нашего пустословия вот этого. Если ты преподносишь Господу молитву, то ее преподнеси от души, а не языком. Вот как языком говоришь-говоришь, а в душе-то вообще пустота и пусто. А Господь же это чувствует. Господь это знает, что ты не от души говоришь, а просто показуха.

У нас вообще, у нашего народа, кстати, вот хорошо мне Господь напомнил, вот все, что у нас делается, это делается для показухи. Он сказал так мне. Это все делается для показухи. Вот столы накрываем, вот свадьбы делаем. Вот, чтобы получше накрыть, чтобы люди не сказали, что вот... это все – показуха. Да. Лучше все это делать душевно. От души. А от души надо делать – вот, помолиться. И покушать тоже, естественно. Голодным не быть. Он же нам все дает: и кушать, и все. Но вот это все надо от души делать.

И вот если ты вот накушался, даже вот уже не хочешь... Так же ведь? Столы накрывают, и мы все кушаем, кушаем, уже не идет, а все равно кушаем. А рядом вон там человек голодный. Он даже не может бедный, немощный, купить. Не за чего у него. И мы никто не застрахованы от этого. Кстати, от этого. Господь знаете какой? Ой, Он нам дает, но он и берет! И вот так, если мы грешим, что вот так нищего... мне плакать хочется... болящие, вот эти нищие... *(плачет)*... и Он правильно мне сказал, что вам жалко этому нищему дать покушать, а ведь завтра или послезавтра точно ты же такой можешь стать. Потому что это все от Божией воли делается. И мы их вообще отбрасываем... Я вот, вообще, когда болящих вижу... *(плачет)*... и мне душа болит. Потому что пока вот родители есть, а потом они никому не нужны. Их все отбрасывают. Ни больницам, ни государству, никому они не нужны. А за это Господь будет наказание делать. И вот я прошу всех, ко всем обращаюсь... *(плачет)*... всем людям, чтобы этого не делали. Надо болящему помочь. Никто не хочет болеть, никто не хочет страдать. Если бы так было, да, как мы хотим, то мы бы все расцветали бы. Но это по Божьей воле все делается.

Господь одному дает болезни, Он ему дает болезни потому, что он должен очиститься. И спасти эту душу, кстати. А вот если человек богатый, у него большой дом, богатство, он этого не понимает, что для чего это ему Господь попускает. Он ему испытание делает, Он испытывает его. До каких пор это все будет *(показывает, как гребет руками)* себе, себе, себе. А потом может наступить такой миг, Господь так делает, и это уже доказано, что Он за один миг все может разрушить и отнять. И дать такие болезни, что этот человек тогда придет к Богу. И он будет еще как молиться! На коленях будет ползать. А зачем этого ждать?.. Человек должен думать: «а как же это у меня получается?» Он думает, что это он делает, а мы ничего не делаем без Бога. «Без Бога, – Он так и сказал мне, – без воли Божией, с вашей головы даже волос не упадет. Поймите это раз и навсегда: вы не можете ничего там делать сами. А вы думаете, что это вы все делаете». Нет, это все делает Господь...

Но Он просто по-разному дает нам испытания. Кому в богатстве, кому в бедности, кому в болезни. Он сказал, что богатому... легче верблюду пройти в ушко иголки, чем богатому войти в рай. И вот этим уже все сказано.

Вот она мне все это когда рассказывала, и все это мне объясняла... я уже отвлеклась от сути... И мы идем-идем, слышу пение Херувимов вот этих. Это Ангелы пели оказывается. И такая красота прямо, я не знаю. И она мне говорит... Я говорю: «а кто это так красиво поет?» А она говорит: «это Ангелы поют. Посмотри», – говорит. И я посмотрела, и увидела Георгия Победоносца (*встает и крестится*)... увидела святого Архангела Гавриила, и святого Архангела Михаила на Небесах. Они праздновали. Святой Архангел Гавриил в рупор что-то говорил. Гремел его голос и я думала, что это Господь что-то говорит, а мне Матрона говорит: «Это не Господь, это святой Архангел Гавриил. Он вестник от Господа. Праздник же Великий. Перед Пасхой».

И вот она сказала, кстати, что когда вот праздники такие, что Пасхальные или такие Божественные, мы должны Богу молиться. А у нас народ, я сравниваю сейчас вот, а наш народ идет на кладбище и поминальные дни устраивает. Вот народ должны понять, что когда такие Великие праздники, радостный день, то души бывают у Господа. А мы, когда идем на кладбище и там им поминальный стол устраиваем, мы их оттуда тянем сюда. И мы их мучим просто. Нельзя этого делать. Если человек хочет вот в этот Праздник покойнику что-то сделать, сделай это на второй день. Допустим, вот Пасха когда бывает, люди все идут на кладбище, вся неделя, это же праздник. В этот день необязательно, но, даже если идут на кладбище, надо радоваться. Вместе с ними надо радоваться, а не плакать, как у нас вот пасху делают и плачут. Это праздник для покойников. «Это великое дело», – она сказала. Когда Божественный праздник, то души все радуются. Даже в аду им бывает какое-то облегчение, да, понимаете? Это очень серьезно. Временная радость бывает. Не надо их от этого оттягивать и отнимать у них это. И я это, очень противник этому. Это мне было открыто, это и понятно. И нельзя этого делать.

И даже вот... это она мне тогда сказала, что: «вот ваши предки такие молитвенники были, так молились! За счет ихних молитв вы до сих пор живете и ходите. И вам, – говорит, – в благодарность Господь выделил, когда Он раздавал Ангелов, Он вам дал Ангела Георгия Победоносца, как самого ближайшего Ангела». Мы заслужили это. «А сейчас народ, – говорит, – уже вы не так молитесь. И он посмотри, – говорит, – он с вами уже не справляется. И теперь, – говорит, – когда ты придешь на Землю, ты вот это должна им говорить. И чтоб они как положено молились. И чтоб слушались Георгия Победоносца». А как слушались? Молились. Не так, как мы молимся, напьемся пьяные и потом не знаем, что мы творим и что мы делаем. А вот, чтобы душевная молитва была. И он тогда будет радоваться, и наши молитвы он понесет Господу. И нам будет венец...

А теперь, – говорит, – вот когда это ты все расскажешь, люди должны поменяться. Они уже должны оставить эти греховные свои дела и молиться как положено. От души». И в это время, когда она мне это говорит, и вот, когда она мне за этого говорит, врага, что он находится у нас на левом плече. Ой, и что этот враг... ой, я когда это поняла, я ей говорю: «о, Боже, а у нас, – я говорю, – ему же молятся. У нас, – говорю, – ему же черную курицу режут. И ему специально пироги делают, ему специально молятся».

А она тогда говорит: «вот видишь, деточка, а ты меня спрашиваешь, какие у вас грехи. Это грех номер один. Тяжкий грех. Что вы врагу молитесь и тут же Богу молитесь. Так кому же надо молиться? Господу же надо молиться, Господу! И все молитвы надо Ему преподносить». А враг наш с пути нас сбивает. Он временно что-то покажет вот так, как игрушечку, и мы ему верим. И потом бежим за ним. «А потом он вас в ад же ведет». В ад. И все грехи которые, болезни все эти, зло вообще, все исходит от этого врага.

Если бы этого врага не было, этого злого бы духа не было, не было бы и зла. А сейчас я когда с людьми говорю, они говорят: «ну его же тоже Господь сделал». Так Он Его сделал

Ангелом, а не злым духом, а он начал завидовать Господу, и Господь разозлился и... отошел от Бога, да, и кто за ним пошел, те пошли за ним и с ним теперь в аду находятся. И туда он всех людей и призывает. Мы не должны же ему подчиняться, мы должны подчиняться Господу. Чтобы мы были с Господом, спаслись наши души.

В это время там женщина туда-сюда бегала. И она то в одну сторону пробежит, то в другую... С луком в руках. И вот она мне же говорит, что... Я говорю: «а эта женщина кто такая?» Она говорит: «вот видишь, – говорит, – эту женщину?» Я говорю: «вижу». Я говорю: «чего она туда-сюда бегает?» А она говорит: «хочет тебе показать себя». Ну как? Чтоб я видела. Они же видят, что с Земли человек. Здесь Господь открывает...

«Вот эта женщина, – говорит, – плохого ничего не делала, но и доброго ничего не делала. Она, кроме вот этого лука горького, никогда никому ничего не сделала доброго. Добрых дел. И вот этот лук и имеет. Так поэтому», – говорит, она мне объяснила, что: «пока вы на Земле живете, вот вы делайте добрые дела. Все, что вы на Земле будете делать доброго, хорошего, вот это вам и будет здесь. А все, что вы вот столы накрываете, это все, от этого никакой пользы. Вот делами, делами вот своими и спасайтесь. Спасайтесь делами, добрыми делами, хорошими делами». Вот тогда Господь прощает наши грехи... Вот ты доброе дело сделал, Он тебе его написал вот в этой Книге. Вот она же мне и сказала, что: «Книга Жизни, – говорит, – вот, даже если ты не смогла помолиться, не смогла в церковь сходить – ничего страшного не случилось. Но ты обязательно, если ты в церковь не ходила, если ты не помолилась, не смогла помолиться, значит, тебя что-то отвлекло. А тебя должно отвлечь то дело – доброе». Вот, например, я пошла больного проведать, а в церковь не пошла. Ничего страшного. Наоборот, еще лучше. Больной во мне нуждается. Я пришла к больному, принесла ему покушать. Даже пускай хлеб будет. Я с ней побеседовала, поговорила, и она возрадовалась. И вот за это Господь с меня сколько-то грехов снял уже. Понимаете, как?

А если я злые дела делаю, Он мне в Книге Жизни с левой стороны, с какой находится дьявол, пишет: злое дело. Что вот я, Люба, такая-то, такая-то и вот такое дело плохое делала. А если вот я доброе дело делаю сейчас, и Он мне пишет: а Люба сейчас передает Мое слово. Доброе дело делает. И вот пишет. И это не только я. Всех.

«И вот, – говорит, – потом, когда душа предстает перед Ним, Ему не надо уже ничего объяснять. В ваших объяснениях Он не нуждается. И даже слова там не дано», – говорит. – Он, как на чашу весов взвешивает и все. Там короткий разговор. Туда или сюда (*показывает рукой влево и вправо*).

И вот когда вот эта женщина, поэтому тебе вот это и показывается, открывает тебе это. И она мне показала вот (*говорит по-осетински*). Когда вот хоронят, так же говорят... Откуда они это взяли? Кто-то же когда-то это все видел и знал! Вот как я рассказываю, да. Точно также кто-то когда-то наши предки и они знали. И они говорили: «чтоб тебе на этой зеленой траве можно было сидеть, отдохнуть, и чтобы ручьями Божьими тебе можно было пить». Водой этой, да. И вот мне их она и показала же.

И показала она мне лестницу золотую. «По этой лестнице, – говорит, – поднимается Сам Господь и Матерь Божия к Отцу Небесному». А я говорю: «Ой, кстати, а где ж Матерь Божия?» А она говорит: «А Матери Божией здесь нет. Матерь Божия, – говорит, – когда здесь бывает, Она стоит у Христа». Ну там вот, где я стояла. «Ты бы тогда там увидела. А вот Ее здесь нету. Вы там на Земле столько грешите, вы там так грешите и болеете, и все время начинаете призывать Матерь Божию». Ну, когда уже плохо нам, да. «И Она, – говорит, – к вам тут же является». Невидимо. Вот мы Ее не видим, и Она нам помогает. «И вот, – говорит, – Она сейчас на Земле. Все время, – говорит, – на Земле бывает. Большинство. И Она, – говорит, – плачет за вас. Все слезы, – говорит, – Она выплакала за ваши грехи, – говорит. – Ваша Заступница», – говорит.

Вот это все она мне сказала, показала мне, и потом я уже начала плакать, когда мне стыдно стало. Вот когда я уже все это поняла. Я так рыдала, плакала. И я уже не хотела на Землю возвращаться. Я говорю: «оставьте меня, пожалуйста, здесь, не хочу уже на Землю. Здесь мне хорошо, мне так спокойно здесь». А она мне сказала: «Нет, деточка, тебе на Землю надо идти. Тебе дано задание. И задание ты должна выполнять. А задание тебе дано очень тяжелое. Самим Господом тебе дано задание. А вот как ты будешь страдать ты должна, говорит. – О, деточка, какие страдания у тебя будут! Такие напасти на тебя будут! Ты, – говорит, – даже не представляешь. Но ты должна будешь все терпеть. Будешь терпеть все, все, что тебе будет», да.

«И вот, – говорит, – сейчас мы пойдем в другое место, где души...». А мальчика тоже она мне показала. Одного мальчика я там еще видела. Но я вот даже его уже не помню. Давно было. Он, оказывается, с нашего села был. И попал под машину, разбился и умер. Его родители все время оплакивали. И он там же на лужайке, в раю. Но он был весь мокрый. И думаю: «Боже мой, почему он мокрый, этот ребенок». Вот проходит, и с него прямо течет вода. Как же это, в раю находится... И мне Матрона объяснила, что это родители так сильно оплакивали его, что вот эти слезы, вот эта вода.

«И ты должна будешь об этом тоже говорить народу, что так нельзя оплакивать душу. Потому что эта душа, когда человек умирает, душа уходит на Небо так, как это положено. И вы с этим уже ничего не поменяете и не можете поделать. И не надо так сильно унывать, плакать и рыдать. Нельзя. А все надо отдавать на Божью волю». Значит, Божья воля такая. Молиться и на Божью волю надеяться.

И она мне это тоже показала. Было показано. И мы тогда пошли в ад. В аду, как мы, не знаю, внезапно мы там очутились. И куда-то как будто упали вниз. И сильно было, в общем, глубоко. Не знаю, может быть семьдесят километров, пятьдесят или сколько. Ну, упали мы туда. Без проблем. Вот я ощутила, как будто под мостом мы упали, в эту бездну. Вот мне так показалось. И такое ощущение было, во всяком случае. Но она сказала: «не бойся, сейчас мы в такое место пойдем, где страдают души. И ты не должна будешь бояться. Там страшно, но...».

И вот она меня ни на одну секунду ни разу не отпустила. Только единственное, когда я с Господом общалась, вот тогда. С левой стороны бес же у нас. И она меня все время с левой стороны держала. Оказывается, она меня не зря держала. Бесы же нападают на душу там сразу. И вот, когда мы туда опустились, вот эти бесы, конечно, тут же как тут. Бесы прямо там встречают душу. И хватают. И вот они вот такие страшные. Ужас. И она мне говорит: «ты только не бойся, а крестное знамение вот так делай». (*Показывает*). И они прямо смывались. Ну вот когда крестное знамение вот так сделаешь (*показывает*) ... Я от бабушки слышала, как она, ну, вообще старые люди так говорили... они вот как будто их смыло водой. А потом опять выскакивают. И она вот, Матрона, над ними же власть имеет... да, да, все святые же власть над ними имеют, Ангела-Хранителя же нам дает Бог.

И она им говорит: «это не ваша, не ваша, не ваша (*смеется*). Ой, страшно! И вот в аду я вижу такую картину. Там темно. Там воняет, конечно. Там вообще ужасно. Ад – одно слово. Ад это... Мне кажется там от ихних глаз свет был только. Больше там света нету. И вот, Господи, (*крестится*) защити нас от этого! Спаси нас и помилуй!.. Она мне сказала: «сейчас я тебе покажу, какие бывают наказания. И чтоб ты это все видела и должна потом рассказывать людям».

Вот мы первое, что видим. Первое, что я видела, вот это действительно, ну, за язык. Вот когда плохой язык, когда осуждают, когда сплетничаем, когда друг на друга натравляем. Мы об этом потом не думаем, что потом за это мы получаем наказание Божие. Вот много-много людей, прям толпа людей, я не знаю количества, там не поймешь, очень много людей. Они все были за языки повешены. Вот вы, например, заходите же в мясной павильон, да. И вот они там на крючках висят, души. И вот они точно так за языки повешены. Вот эту картину представьте,

да. За язык, вот повешен человек, и страдает, и кричит, и как он мучается. И кровь течет. Вот так кровь течет (*показывает сверху вниз обеими руками*).

Другая толпа, тоже, вот, за язык, но это уже другого характера, наверное. Вот, пустословие как раз. Кто пустословит, кто много разговаривает бесполезно, матерщинники. Вот они как собаки лают... Вот точно так. Это было жутко видеть, конечно, и страшно. Потом начались вот такие вот места, где вот это наказание переносят души. Это вот наподобие, ну как ямы, да. Ну там размер, как наша республика, например. И представьте, сколько там душ. И они там, души, даже не помещаются, столько там... И они, вот в кипятке они варились. Там вода кипит, и вот души в этом кипятке. И они так мучаются, да, и кричат, до того они кричали. И все, когда видят, да, что душа пришла, и они кричат еще... и со мной еще святая женщина. И они кричат: «помогите!» И я так прямо уши закрыла (*показывает*). Я не могла это слушать...

И вот это кричали они. Вот представьте, как они знают, все они знают, да... Я это когда увидела, ой, как мне страшно стало. Я вот ее спрашиваю: «ну вот помочь бы им, а, чем помочь!» Как они вот мучаются. И она мне говорит: «вы можете помочь там, на Земле, молитвами. Вот родственники. За них подавать надо милостыню». Очень сильно милостыню надо подавать. Потому что человек не знает же, где покойник. Сильно спасает милостыня. Господь сильно потом... Их переводит Он даже потом, души эти, спасает их оттуда. Если много-много, вот, от души, милостыню делают, вот родственники: дочка, сын и так кто, ну, кто есть. В общем, молитвы и милостыню вот эту... сильно помогают вот этим покойникам, которые в аду находятся. Потому что они, когда жили на Земле, они не кланялись, они не молились, они не каялись за свои грехи, и поэтому и в ад пошли. С дьяволом. И вот от этого их можно таким образом спасти.

Уже даже доказано, что вот так люди делают, и потом их покойник спасается. Господь переводит его оттуда, с этого... Господь никого не оставляет, никого не забывает. Просто Он по заслугам всех наказывает. Кто чего где заслужил. И вот эту вот ужасную картину видеть очень жутко.

Мы когда прошли в следующее место, тоже такое наказание. Там вообще очень много людей... Очень много людей! Там разных возрастов и разные: женщины, мужчины, ребята, девушки, вот, понимаете как. Разные национальности, разные народы, в общем, да. В общем, они там, очень много греха у них, вот, земных, э-э, кто вот пьяница, кто наркоман, кто блудом занимается. Кто чем, в общем, в основном там находились вот эти э-э... пьяницы, наркоманы, блудом занимаются, родителей не слушают... ну, неправильный путь у них. Очень много! Вот я сейчас, когда на людей смотрю, вот, мне кажется, вот этот народ наш, вот голые ходят, родителей не понимают, блуд. Уже они вот в аду находятся. Честно вам говорю: я этого не понимаю.

Очень ужасно! Вот они там варились не на кипятке, а на костре. Костер там горит вот, пламя (*показывает руками, какое большое*) и вот на этом пламени они вот горят. И вот не зря же говорят: будешь гореть в аду. В огне вот. Как живые в костре, вот точно так же.

Следующее место – там уже такое более такое место ужасное... Там люди, которые вот в карты играют, кофе гадают, колдуны разные, людей привораживают, тут и экстрасенсы разные, и колдуют, и к колдунам ходят. Там тоже очень много людей. Но они до того страшные были там. Страшная картина мне вот запомнилась, как они, наверное, из-за того, что колдовство вот это. Вот они нитками какими-то, всякими проволоками завязаны, закручены, вот. И вдобавок там еще... вот вода там, как море. С мусором вместе. И когда мы идем, да, и они нас увидели... Бесы мучают же их там, да... И вот они, когда мы подходим, ну пройти, они их вот так поднимают (*показывает*), чтобы нас увидели. Ой, ужас, как они кричали! И потом они опять их отпускают (*показывает*), и они опять туда... Ой, ужас, кошмар один.

Господи! Господи, не дай нам туда попасть! Вразумляй нас и показывай нам путь, по которому нам надо идти! Господи, вообще ничего не понимаем. И вот это, вообще, ужасно. Она мне говорит: «это вот видишь, – говорит, – у вас Земля вся заколдованная. Вот они же,

вот эти колдуны колдуют и всем людям зло делают. Это – зло. Это совсем прямо бесовское. Это вот от беса они работают, а потом они с бесами и бывают. Они же не каются за свои грехи, и они с бесами бывают. Бес ими руководит».

В общем, дальше когда мы прошли, там другое место было. Тоже мытарства вот проходят. Там вообще страх ужасный! Как там много людей тоже, ну везде там много людей, но там страшная была картина. Все там страшно. Но вот это сильнее меня поразило, почему-то меня за душу вот это сильно взяло. Даже аборт меня не так поразили, как вот эта... там вот в червях все души... О, ужас, и змеи на них ползут, и черви. И в ушах, и в глазах, и везде. Вы не представляете... Я это когда увидела, я от этого чуть не тронулась вообще. Если б, наверное, не Матрона, не знаю, что бы со мной было. Но она меня заранее предупреждала, чтобы я не боялась, что там очень страшно будет.

«Ты должна вот это будешь увидеть, и рассказать людям, чтобы люди знали, на какой путь становятся. И как они могут от этого пути спасти себя». Во всем мы сами виноваты, народ, люди, человеческая душа. Представьте, что творится, да.

Потом, самая такая картина, это, вообще, самые тяжкие, вот, которые называются грехами. Тяжкий грех. Вот воровство, убийство. Очень тяжкие, безбожники вообще. Вот такой грех самый тяжкий-тяжкий. Она сказала: «содомский». Там вообще кипит смола черная. И вот туда вот эти души бесы, много же бесов, они их берут, и в эту окунают, так, в горящую смолу (*показывает*). Потом оттуда вытаскивают: «ха-ха-ха-ха!» Ой, Боже, как они там над ними издеваются. И его уже не видно, кто он такой. Понимаете, как? И вот она говорит, что... Я говорю: «ну зачем же, вот, в кипящую смолу?» А она говорит: «это такое наказание». Это уже бесы их мучают так, да. Потому что, говорит: «они никогда в жизни не понимали никакого человека. У них человеческого вообще нет, потеряли». Да, они человеческое потеряли. Никакого человеческого ума у них уже не было. Ни сердца. И вот они очень тяжело там страдают.

Даже когда душа приходит, родственник, да. Даже и сказала так: «Господь открывает душе всю родню». И он их видит, он там с ними общается, видится, вот, которые уже там, души, они... им когда показывают своего родственника мытарства как проходит, знаете как ужасно и стыдно вот за эту душу. Они-то уже там находятся. И они уже все знают. А эта душа-то ничего не знает. Поэтому я и говорю, и это даже святые говорят: если бы Господь разрешил бы на один миг заглянуть в этот мир, может быть у нас другая жизнь была. Но этого не дано. Закон Божий такой, что мы должны страдать... на этой Земле и каяться. И мы должны выбирать сами свой путь. Господь, Он нас не принуждает.

Вот – два места. Вот, Он же мне показал два места. Вот, выбирай: туда или сюда. И вот она, вот эта, говорит: «чтобы даже вот эта душа, которая приходит, чтобы этого сильнейшего грешника даже не узнала уже, своего родственника». Чтобы вот такой он (*показывает*) в смоле он должен быть. Представьте, какой ужас, да, вот это. Один больше другого Божий ужас. И вот мы, когда перешли, и мне даже с одной стороны, это очень тяжело, да, но я, с другой стороны, не вижу, кто он. Вот я не знаю, кто он. И я вот не страдаю за него. Даже мне это лучше показалась. Я свой вывод делала там.

Дальше, когда мы уже пошли, там уже были батюшки. Батюшки в аду были... Вот в этих ризах, в одеждах. У кого какой чин, я не знаю, но их много было тоже. И они тоже там страдают. И наказание получили. И я когда их увидела, мне страшно стало. И удивительно. Я удивлялась... Понимаешь, там воды не было, там воды не было. Но они стонали, вот они стонали. Вот даже я вижу сейчас это. Да, вопль я слышу. Вот я когда глянула, где они находятся. Это чан. Но чан был сухой. Вот у них по-другому страдание. Они вот выли там, ну как вот... страдали вслух.

Я просто удивилась и говорю: «а почему батюшки в аду?» Я думала – они все святые же. Я же не знала вообще церковную жизнь. Вообще, не знала. И вот она говорит: «деточка, а они-то, – говорит, – такие же, как вы. Только они Божии избранники, и каждый свой путь выбирает.

Они служат точно так, как и любой человек». Вот тогда она мне объяснила, что человек... Господь ему дал жить, работать, работу ему дает. Кто врач, кто министр, кто батюшка, кто просто милиционер, кто судья, кто прокурор, кто просто бригадир, кто просто рабочий. Но главное там – душа. Это просто главное.

Для Господа не имеет значения, кем ты там работаешь. И какую ты власть имеешь, или ты в какой должности. Это абсолютно у Господа никакой роли не играет. Только единственное: если человек пост занимает какой-то и над людьми, руководит, он за них отвечает, этот человек. Чем больше пост занимает человек, тем больше спрос от Бога. Тем больше он отвечает. Батюшки... вот сколько людей в Храм ходит – все исповедуются, причащаются... они за свой грех отвечают, и еще за наши грехи отвечают. Есть такие батюшки, которые молятся как положено, от души, как раз. А есть такие, которые языком вот разговаривают. Да, просто на работу пришел. Отработал и ушел. А им нельзя так, они должны быть с Господом. Господь-то все знает и ничего не скрывать. Они сильно, вот, отвечают.

А вот такие вот люди, мы, низкие, – каждый отвечает за свою работу, за свой грех. За народ, которым руководит. И все вот за свои грехи отвечают. Вот если судья, он неправильно осудил, там, неправильно что-то сделал он, человека обидел, даже если он преступник, но это его не касается. Он должен свою работу сделать как надо. И есть такие люди, которые свою работу не выполняют как надо.

«У вас, – говорит, – великий грех, вот, взяточничество. Вот вы взятки даете, и все вопросы ваши решаются. А вот которые взятки берут и взятки дают, они потом перед Господом будут отвечать» И еще как будут отвечать. Это к тяжким грехам тоже относится. Потому что взятку взяли, и преступник, который кого-то там убил, его освободили. И он на свободе ходит. А он... это какой грех, да? Это вообще. «Пока у вас будет вот это взяточничество, у вас в обществе не будет никакого здравого смысла, и здоровой жизни не будет, ничего. Порядка не будет никогда. Так что здесь, – говорит, – не имеет значения, кем ты там работаешь. Кем ты работаешь, за того и отвечаешь. А Господу, – говорит, – не имеет значения, кто там, на Земле, президент, или судья, или прокурор, врач. Он точно так же отвечает, как и другой человек за свои грехи. Они еще больше грешные. И больше они, наоборот, идут в ад. А они этого не понимают». Вот здесь они расцветают... они посты занимают, деньги имеют. А они же потом, слушайте, идут в ад.

И вот она мне потом показала другое мытарство. Где правители вот эти как раз-таки и находятся. Но я там только узнала Брежнева и Хрущева. Много их... Там министры, там всякие-всякие я не знаю там, очень много. Но вот они мне показали Хрущева и Брежнева. И я так удивилась... А она говорит: «а что ты удивляешься? Они такие посты занимали, да. Всем народом руководили. И они грешники. Другого пути у них нет». А, тем более, представьте себе, это сейчас Господь мне все это открывает.

Представь вот, как человек поработал и ушел на пенсию, да. И он, может быть, начал исправляться, да? Сейчас есть такие люди. Вот отработал свою работу, да, и ушел на пенсию. Да хватит же мне работать! Я знаю сейчас такого человека. Говорить не буду, но он ко мне обращался. И говорит, он уже знает, что его ожидает. И он сказал мне: «а как же мне делать, чтобы замолишь грехи?» И я ему сказала: «ты свои грехи только будешь замаливать в церкви. Исповедью и причастием. И ничего страшного, ты такой же человек, как все остальные. Пойди в церковь, помолись и на исповедь пойди. Кому нужно, кем ты там работал? Ты уже сейчас никто же. Ты когда работал вот в той должности, ты там был таким человеком... Это вы все там себя делаете, ставите такими богами, а кто ты такой? А сейчас кто ты такой? Сейчас такой же, как и я... Ты пойди в церковь, помолись, причастись, исповедуйся. И исповедуйся, и причащайся пока ты живой. За все свои грехи, – я говорю, – тебе надо покаяться, и Господь тебя пожалеет, и будет твоя душа спасена».

Так что не имеет значения для Господа, кто мы такие, где мы здесь работаем и какими должностями занимаемся. Это Ему не важно. Ему важна душа. Чтобы к Нему пришла чистая. А, если не чистая, то Он ее очистит, в аду. И все. И вот, когда к Нему душа приходит очищенная, Он ее потом преобразует, в Свои одежды одевает. Поэтому они там все и красивые, и все там сияют. И все они там радостные. Потому что они, конечно, в раю же. В райские одежды одеваются. И в райских селах находятся. Райские села называется. Вот...

И вот я сейчас с людьми же часто беседую. И они вот этого не понимают. Я хочу до них донести вот это. Чтобы им было понятнее, в чем заключается грех. Мы грешим на каждом шагу, мы грешим на каждом повороте. А они этого не понимают. Люди думают, что грех это: убил, украл и прелюбодействовал. Вот три греха... Да, это такие грехи, вот, основные, да. Но остальные грехи-то, которые мы все время в своей жизни совершаем: каждую минуту, каждый день, каждый час. Они этого не понимают.

Вот, например, один грех – осуждение. Вот мы выйдем только с порога, встретили кого-то и уже начали разговаривать, и кого-то осуждаем. Ой, вот тот человек не в такой одежде пошел, вот он не с тем пошел. Это осуждение. Осуждение и дома, среди семьи. Осуждение во дворе, осуждение на работе, осуждение везде. И вот это осуждение – это очень страшный грех. И он очень страшно наказывается. Я за наказание попозже уже буду говорить. Но вот чтобы люди не говорили: а какие у нас грехи? Да я никого не убила, ни у кого ничего не украла. А когда начинаю беседовать с ними, так они уже тогда: «а, это что, тоже грех?» Вот поговорить там или позавидуешь, где-то убийство... но там много грехов, очень много грехов разных. Просто человек этого не понимает. А не понимает потому, что они с ними живут, с этими грехами. Они с ними идут, они с ними спят... Вот мы каждую минуту в этом грехе находимся и до того уже человек к ним привык, к этим грехам, что он их за грехи даже не считает. А Господь за это и наказывает.

А чтобы вот Он не наказал, для этого надо покаяться за свой каждый грех. Вот, я говорю. Вот, в течение недели согрешили. Представь: один день, второй, третий, четыре, пять дней рабочих у нас, да. Шесть дней. Седьмой день – Господу. Вот я им говорю: «Божий день в воскресенье. Вот отдайте этот день Господу. Вот за шесть дней ты что согрешил, покайся. Пойди в церковь, помолись, покайся, и Господь тебя простит.

А если человек не будет ходить ни в церковь, ни молиться, ни каяться – какое спасение, какое прощение может быть? Какой бы он Милостивый не был, Господь, Он, да, Он Милостивый, Он наш Царь Небесный, Он наш Спаситель, Он за нас пострадал, Он наш Свет, наша Любовь, все... Но, если мы не будем каяться, простите меня, Он, когда душа приходит и Он смотрит вот как раз в эту Книгу Жизни, вот, Он пишет туда и грехи наши, и добрые дела... И Он посмотрит – ага, вот, добрая душа пришла. И Он конкретно уже смотрит. Раба Божия Любовь, да? Смотрит, сколько грехов, смотрит, сколько добрых дел. И все: там короткий разговор. Там объяснений нету. Я сама все это перетерпела и видела это, что нам там, около Господа, даже не дано слова.

Мы не можем говорить около Господа. Оправданий нету никаких. Просто мы там стоим и молчим. И только душой вот что мы думаем, Он это все знает, и все слышит, и все понимает. Там мы никогда не можем ничего объяснить. И никогда мы не оправдаемся. Там даже никто и не слушает, даже если будешь... Вот мост перешел – все. Все остальное позади осталось. И дом, и суета, и сплетни, грехи и все! И с чем ты пришел к Господу, с тем и останешься. И чтобы вот этого не было, чтобы мы с грехами не приходили к Господу, их надо оставлять на Земле. А как мы их оставим на Земле? Покаянием только. Покаянием и молитвой. Сначала надо помолиться, попросить у Господа-Бога, чтобы принял покаяние. И тогда покаяться в своих грехах. И тогда очищается душа и тело. Вот народ это должны понимать. А народ пока этого не поймут, о каком покаянии, о каком спасении может идти речь?

И вот Он мне так и сказал, что молитва и покаяние только ваше спасение. Очень мало времени у вас осталось. Очень мало времени! И тогда Он мне потом сказал напоследок: «любите друг друга, как Я вас люблю!» Вот это слово – это очень великое слово. Потому что Господь есть Любовь, тепло и все, что у нас есть... И вот если мы тоже будем так же делать, как Он нас любит, и как Он к нам обращается, то у нас какие будут проблемы? У нас будет спасение. Но у нас этого ж нет. Мы друг друга наоборот... Зла полно. Вот зло. Пока зло не уничтожится...

А зло уничтожится, Он сказал так, да. Когда у нас будет смирение, терпение и покаяние. Вот сначала нам надо, чтобы у нас было смирение. Чтоб нас обижают, да, а мы должны смиренно на это смотреть. Обижают или ругают нас, а мы должны все это терпеть... Все, что нам вот приходится терпеть, вот как у нас в нашей жизни сейчас: нехватка... Народ... на самом деле правильно сказал, что, кроме денег и богатства... Вот народ только думает, что нехватка денег – вот это наша беда. Они глубоко ошибаются! Вот наша беда в том, что мы не молимся и не каемся. И поэтому нам Господь попускает: и смерть, и болезни и все. Очень тяжкие болезни будут на людей, если они не будут каяться. Если они не будут молиться, то будут очень великие страдания. И вот должны народ выбрать путь, действительно, как Он сказал. Каждый свой путь должен выбрать.

Он мне еще одну фразу сказал, да, вот, когда со мной беседовал, что: «кто не признает Господа Иисуса Христа, Который от Бога, как Сына Божьего, Мой Отец Небесный с лица Земли сотрет!» Вот эта фраза, вот – очень удивительная фраза. На самом деле, некоторые люди говорят: а Кто Такой Господь Иисус Христос? Зачем мы Ему должны молиться? У нас есть Господь, а Он только Сын Божий. Настолько люди действительно обезумели, как Он сказал, Он все видит и все знает же, от Него ничего не скроешь, Он все сверху смотрит, и все видит, и каждого человека видит. Вот представьте себе, сколько нас, людей, столько он все видит. И все записывает. И от Него ничего не скроешь. И вот Он говорил, вот даже народ не понимает, почему у нас в семье, вот в нашей жизни, откуда этот Закон: отец и мать живут, а потом у них дети появились, отец и мать постарели и должны уйти в тот мир. На место отца и матери приходит сын, да. И он начинает домом уже руководить, после отца, да? А этот Закон от Бога же к нам пришел, к людям. Он по Своему Образу нас сделал, и вот как Он делает, так и мы должны делать.

По законам мы должны жить. Господь вот Сам Сыну Своему передал же вот это руководство, да. Он полностью Своему Сыну отдал. Он же сказал: «Мы – одно целое, Я и Ты, это – Одно! И Святой Дух!» Вот – Пресвятая Троица. Почему есть Пресвятая Троица.

И вот сейчас мы Господа Всевышнего не можем видеть, и никто Его не увидит, потому что Он Невидимый. А вот Господа, Иисуса Христа, чтобы Ему верили, и чтобы люди Его знали... Он же по Земле ходил, на Земле жил Он. Это специально Господь сделал, чтобы не говорили, что, такие же люди тоже есть: «а где Господь, да, и кто Его видел и когда Он был?» А вот Господь Иисус Христос же по Земле ходил и жил. И видели же Его люди. И знают Его, и это написано в Книге. И мы вот обязаны эти Заповеди выполнять и по Заповедям жить.

Как же нельзя признать Господа Иисуса Христа и Матерь Божию, Которая родила Его? Мы же свою мать-то любим и признаем. Вот, кто меня родила, да. Точно так же Иисус Христос. Его же родила Мать Мария. А это же Всевышний все сделал. И нас Всевышний точно так же сделал. Что должны быть муж и жена, и у них дети должны родиться. Все на Его примере. Он нам жизнь дал и показывает. И мы все это должны понимать и знать. А люди... как можно, действительно, не признавать Господа Иисуса Христа как Бога и Матерь Божию? А Матерь Божия вообще наша Заступница! Которая весь мир, а, в частности, Россию, спасает. Именно Она. Потому что Она – Заступница. Она перед Господом хлопчет, чтобы даже Она, вот народ не понимает: кто не признает Матерь Божию, тот и свою мать не признает. Потому что когда душа предстает перед Богом, и Суд идет, Матерь Божия же Она Заступница наша!.. Ходатаица!

И там уже ничего не купишь и не продашь, и деньги не заплатишь, как вот на Земле. За свои грехи. Там этого нету. Там строго Закон Божий. Грехи – значит, в ад, отвечай за них. Если чистый ты – в рай. А чтоб в рай попасть, надо это заслужить. Мы его должны заслужить на Земле. Мы должны очищать свои грехи, мы должны молиться и каяться. И только таким образом предстанем перед Богом. Мы же не знаем, когда предстанем перед Богом. И люди думают, что, а, еще есть время. Поживу я и еще крещение приму... Откладывает, да.

А люди же не понимают, что мы живем... никто не знает, что каждый миг у нас все рассчитано. Вот слава Господу Моему (*крестится*), что ни один человек не знает, когда он предстанет перед Богом, да. И для этого мы каждую минуту и каждую секунду должны жить со страхом Божиим! И себе представлять все время: а вдруг я через секунду умру, я не очистила свои грехи и пойду в ад. А в аду горят вечно души.

Я просто к людям обращаюсь, я к народу обращаюсь, я слово Божие передаю, что Он сказал. Что молитесь и обязательно кайтесь за свои грехи. И, что бы ни было, Он простит. Только надо каяться и все. Каяться – это же нетрудно. Пойди в церковь, помолись, и покайся. И все тебе там объяснят, что надо делать.

И вот это все Он мне, когда сказал, Он мне все это поручил, и Он мне сказал: «любите друг друга, как Я вас люблю! И у вас все будет хорошо». И Он мне сказал: «теперь Я тебя благословляю на это все (*крестит экран*) и иди!»

И я вышла. Вышла и меня эта женщина ждет же там. Бабулька вот эта. И я когда вышла, я ей сразу доложила, что меня обратно отправляют на Землю. Господь. А она говорит: «а я все знаю». Они, оказывается, там все знают, все видят. И им не надо ничего объяснять, как мы здесь начинаем объяснять, доказывать теорию какую-то. Там не надо объяснять. Они все прекрасно там видят, все знают. Все, да. И даже покойники. Все, которые находятся там, наверху (*показывает руками вверх*), все они видят. Простой люд. Святые – это само собой. А простые люди, которые души там находятся, они тоже все видят. И за нас, кстати, им стыдно.

Вот смотрите, мы ведь здесь грешные, но когда я предстану пред Богом и буду там находиться, мне стыдно уже за тех людей, которые на Земле живут. За грехи. Потому что я это уже знаю. Там Господь все открывает. До седьмого поколения души все открывает Господь. Всю родню, и все, кто есть что...

Он знает, кто откуда, с какой земли. Не надо объяснять, что я с Кавказа, или ты с Грузии, или ты из России, или ты из Москвы. Он все знает. Я когда предстала перед Ним, Он уже знал, что я с Кавказа. Я по-осетински с Ним разговаривала, и Он по-осетински со мной разговаривал. Он на всех языках разговаривает. По-русски, и на каком языке... Все языки же Он нам дал. Так что надо просто поверить Господу. И обращаться к Нему. И придет... вот это состояние духовное. И будет мир в душе. Надежда. Вот, надежда.

Надо просто искать Его. Надо нам просто искать Господа, и быть с Ним. И просить Его, чтобы Он нас не оставлял, чтобы от нас не отворачивался. Когда Он от нас отворачивается, то к нам приходят очень плохие дела. Очень плохие дела, потому что плохими делами руководит враг. Враг, который вот хочет нас с пути сбивать. Господь нас призывает вот к себе, да. Для того, чтобы мы спаслись, наши души. А враг нас назад тянет, к себе. И вот надо чтоб мы... я не знаю, какой человек есть такой, который к врагу бы тянулся бы. Даже на простом вот языке, да. Как можно к врагу тянуться? Мы же должны тянуться к спасению души и к Господу, и ко всем святым. А вот мы сами виноваты в этом.

А они этого не понимают. Я когда с людьми беседую, они говорят... Я говорю: «вы вот лукавому служите». И они еще обижаются. «Как это? – говорят, – мы никакого лукавого не знаем». Так как же вы: и Господа не знаете, и лукавого не знаете? Вы его дела делаете, вот и вы ему подчиняетесь. Я говорю, так что надо вот с этим разобраться. А как можно разобраться? Разобраться можно только в молитве. Только в церкви. Господь когда сделал церкви, Он для этого их сделал, чтобы люди туда ходили и молились. Вот Господь же и говорит, что где вас

двое, Я там Третий. Это ж не просто так сделано. Это тоже Закон Божий. В Православии, да. На самом деле, я вот должна это говорить, и как мне было открыто это, что говорят, что... мы все же к Богу обращаемся. Но, как я поняла, и как мне было дано узнать, что только Господь Иисус Христос Своей смертью доказал нам, да, что Он вот за наши грехи Он Свою жизнь отдал и кровь пролил. И Отец Небесный воскресил Его вновь, да. И после этого уже все должны были стать христианами. Вот мы же видели своими глазами это, люди, народ, что как Он умер, как Его мучили, как Его убили, и как Господь Его воскресил.

Это какая Сила может быть, да. Вот вам конкретный пример как я умерла и обратно пришла с того мира сюда. Точно так же Господь Свои чудеса показывает. И показывать будет еще. Просто народ вот этого не хотят признавать, потому что им это... им легче вот не признавать. Им легче так жить, понимаешь? Вот им легче так жить. Поработал, потом пошел погулял там. Посидели, покушали, выпили и на этом все. Но они же вот ошибаются глубоко. И просто мне это Господь показал, и Он мне поручил, чтобы я это говорила... И я думаю, что Господь вразумит всех людей, потому что другого выхода у них просто не будет. Он и сказал, что наступит такое время, что все будут обращаться к Господу. Но это будет уже не так. Они же уже когда будут обращаться, поздно будет. Они же не обращаются сейчас к Нему и не признают Его. Отвернулись от Него, и когда они к Нему прибегут, «Я, – говорит, – им скажу: отойдите от Меня, Я вас не знаю». Он так и говорит.

Так что, я надеюсь, и я просто думаю, что народ все равно опомнится, и придут к Богу, потому что это наш Создатель. Он нас создал. Он вот все что у нас есть, все, чем мы пользуемся, Он нам дал. И все создал. И я надеюсь, что народ вразумится (*крестится*), больше людей спасутся. Потому что то, что я видела и то, что я слышала, конечно, это очень удивительно.

Когда я уже пошла с Матроной, она тогда мне сказала: «теперь ты уже знаешь, где ты находишься. Ты теперь уже видела все. Какая там красота, да вот. И какой там покой, и мир. Вот эти церкви, которые я видела, да, это ни с чем не сравнить. Такие же церкви вот как на Земле. Как можно вообще говорить, что я дома буду молиться? Дома можно молиться круглые сутки, но когда мы соборно, вот, вместе, собираемся в церкви, в Божьем доме, там надо молиться! Потому что я знаю, что если дома сто раз помолишься, а в церкви один раз помолишься, вот эту молитву больше принимает Господь, чем твои сто молитв.

Так это. Потому что домашняя молитва, а это... для того же Храмы построились. Там вот необыкновенные церкви, там необыкновенные купола. И на них кресты золотые. И там все в золоте. Там все блестит, как хрусталь... Вот так все блестит. И это же не зря Господь сделал. Мы же должны это понимать все люди.

И она меня повела уже, вот, показать мне. «Сейчас, – говорит, – я тебе все объясню, и все тебе покажу». Женщина. Она же меня сопровождала. И мы пошли по раю. Она мне показала, мм, ну, в основном, я уже все видела, Она мне показала еще вот сад, где вот Господь Иисус Христос со Своими Апостолами... Там скамейку я эту видела, на которой скамейке они всегда сидели. Тоже золотом блестит. Да это вообще так не передашь.

А мы пошли оттуда дальше, и вот она мне, вот эта сопровождающая, она мне начала объяснять. Они все знают. Они вот... Там ничего не происходит без Божьей воли. И ничего не происходит без Божьей воли и на Земле. Только на Земле народ это не воспринимает. Они думают, что это случайность. Нет случайности. С нами все, что происходит, это происходит по Божьей воле. Если Господь попустил болезнь, то мы должны болеть ей и за это благодарить Бога. А, если даже смерть наступила, значит, Господь попустил. Мы должны это понимать. Это должное. И все.

Если мы так будем жить, нам будет легче жить. Но мы этого просто не признаем. И вот она мне объясняет то, что мне Спаситель говорил. Он же говорил, а я же их не понимала. Потому что я духовно неграмотная женщина была, да, понимаете? А она должна была мне все это объяснить. Она знала, что Господь мне говорил, как мне говорил. И вот она мне все это

разъясняла. К чему было сказано, что ты должна молиться и каяться. К чему было сказано, что мы глухие, слепые и немые, вот народ на Земле, что у нас очень много грехов. Какие грехи. И она мне начала объяснять, вот, какие грехи, да. Я не понимала, что за грехи. Точно так же, как все люди вот сейчас говорят: «а что за грехи у нас?»

Вот грех – это очень ужас. Мы за этот грех вот и идем в ад потом. Большинство людей идут в ад. Большинство людей в аду, потому что люди не каются. Они просто не знают, что надо каяться. Я надеюсь, что сейчас люди уже. Потому что мне эта сопровождающая меня, она сказала, что: «да, Господь сейчас будет посылать людей. Избранных Своих к народу. И они будут рассказывать, как должны жить, что должны делать». И я надеюсь, что это спасение для людей и больше людей будет спасаться. И больше людей будет в рай идти, чем в ад. Господу вот это только и хочется. Он за это душой и болеет, что мы идем не к Господу, душа идет, как Он нам ее дал, мы так к Нему и должны вернуться. Как нас вот из земли сделал, так и тело наше к земле идет, делается землей. А душа возвращается к Господу.

А вот когда мы грехи не исповедуем, не причащаемся, не очищаем свою душу и тело, то эта душа идет же в ад. К злему духу. А это же ни Ему не хочется, ни нам не хочется. Все мы должны быть дети. Не зря вот в Псалмах написано, что меня родители оставили, но Господь меня никогда не оставит. Он всегда примет. У нас у всех там есть место. Вот даже говорят: «где мы там у Него помещаемся?» А у Него очень много места. Я же вам говорю, я же это видела. Там места... Там конца нет! Этим местам, Небесным, нету конца! Не так, как здесь – колхоз закрыли там дорогу, или свои поля, нет. Там бесконечно все. И нас сколько бы ни было, для нас там есть место. Для всех. Лишь бы мы туда попали.

И вот мне Матрона объясняет, что грехи наши, вот которые мы не понимаем, что самый главный грех – это зло. Вот мы все злые. Нету у нас ни терпения, ни смирения. И вот когда человек ничего не терпит, и ни смирения, ни терпения у него нет, тогда что начинается? Тогда начинается скандал, тогда начинается ругань. Вот если у человека нету смирения – оттуда все наши беды! Вот она мне объяснила, как положено. Вот если у человека нет терпения, оттуда и пьянка, оттуда и блуд, оттуда и аборт, оттуда и непослушания, оттуда и все-все, что на Земле происходит – это этот грех. Вот это оттуда.

А вот если у нас есть терпение, мы все терпим. Почему монахи бросают мирскую жизнь, и идут и служат Богу? Вот у них терпение. Они во всем терпят, все. А вот молодежь наша. Не терпят же они. Я не знаю, чем они только не занимаются и оттуда и гибель детей и все. Если бы у них терпение было, у нас было бы намного меньше... вообще бы не было у нас греха. Она сказала, что от этого все грехи. От нетерпения. Вот мы не терпим. Сосед вышел и не так со мной поздоровался, и я должна это доказать и узнать, почему он со мной так грубо сказал. А вот если бы у меня было терпение, я бы просто этого не заметила и все. И пошла. И моя душа спокойна, и он будет спокойный идти по своим делам. Представляете, что значит нетерпение?

И грех какой. Вот надо все нам терпеть. И тогда у нас не будет ни блуда, ни ругани, не сплетен, ни зависти. Ничего. Зависть... Вот у нас народ, наш народ – вот, как мне объяснили, да, вот сейчас не знаю... но я же вот просто с Кавказа... И вот мы молимся, больше всего вот как будто делаем, да. Но посмотрите, что делается, какой гордый народ. А от гордости мы никого не замечаем. От гордости мы... да кто ты такая около меня? Что ты ко мне подойдешь и что-то мне объяснять начнешь. Я же что, хуже тебя?

Вот это надо бросать! «Ваш народ, – говорит, – такой гордый, что от гордости у вас все зло. Большинство». Гордость, зависть! Вот кто-то хорошо живет... мне не живется, я должна там копать начинать. Копать, копать, почему он хорошо живет, а я плохо живу. Да пускай живет, ради Бога. Если он хорошо будет жить, и мне...

Он мне многое еще сказал, но вот главное, что Он просто удивляется, сколько греха здесь. И почему-то Он сильно за это переживает. «Вот, – говорит, – такая точка, а греха, как несколько больших государств». А это все от гордости. Гордость и зависть. Колдовство.

Вот колдовство у нас занимает вот как раз-таки второе место, наверное, если не первое. Вот грехи, я сама их не понимала, а народ тем более не знают. И она мне объясняет же, вот что, какие грехи. Тяжкие грехи у нас. Очень великие грехи ложатся на наш народ... Вот грех такой вот, как зависть. Грех – гордость. Вот, блуд. От блуда очень много страданий. Это вообще безбожество, вообще. Вот посмотрите, что молодежь, что творят. Вот, если бы они это все знали, они бы не делали этого. И у них бы если было бы терпение, они бы этого и не творили бы. Но они этого всего ничего не знают. Поэтому мне Господь сказал, что вот эта малюсенькая точка, и столько греха.

А мне уже Матрона потом разъясняет, что за грехи, и какие грехи, и что можно делать. Она вот когда объясняет мне, что: «у вас вот, у людей, гордость, вы народ гордый, кавказский народ. И наш народ, мы ж кавказцы»... Я это знаю... Вот этот вот блуд. Блуд у нас сплошь и рядом. Муж и жена живут незаконно – это тоже грех. Они не венчались, они не узаконили свой брак... Находятся они в блуде... И это вот очень великий грех. Это вот она мне тоже объяснила, да. Зависть. Вот еще раз говорю: вот кому-то хорошо, моему соседу или товарищу, я завидую. И это у нас тоже очень сильно развито. Это очень, очень тяжкий грех, завидовать. Живи, как тебе Бог дает, и никому не завидуй. А кто хорошо живет, то тоже от Господа все.

Господь же Сам говорит, что вам, кроме денег и богатства, ничего не надо. А надо жить по Законам, по Заповедям Божьим. И тогда не будет никакого богатства. Зачем нам это? Вот очень великий грех, когда мы вот осуждаем друг друга. Вот осуждение. Это совсем сильно великий грех. Когда мы вот... за язык, плохой язык у человека: осуждает, сплетничает, друг на друга натравляет. Вот два брата могут жить вместе, вот, в одном доме, да, до тех пор, пока они не женятся. Женились, пришли жены, а они их до того своими языками натравляют, да, что они уже готовы друг друга убить, вот эти два брата. Вот, представьте, какой это грех. Язык плохой, вот. Ну и вообще – язык мой – враг...

Так что за это тоже особое наказание получаем, вот за этот грех. Она мне сказала, что у вас такой великий грех, вот, колдовство. Она сказала – ваша земля, – вот, наша земля, именно, меня наша земля волновала. Конечно, земли, вот, очень много, да, вот, вся Россия, весь мир, да, в грехе живет, но вот наша маленькая Осетия, вот, вся заколдованная. Друг друга так колдуют, что каждый сантиметр, говорит, у вас заколдован. «И вы по ней ходите, и вы болеете».

И вот представьте себе. «Еще хуже, – говорит, – станет. Еще больше станет этого колдовства. Потому что, – говорит, – это от злого духа происходит, это все». Когда она мне эти грехи рассказывала, объясняла, и она тут же, точно так же, как Господь говорил, подтверждала, что молиться надо и каяться за эти грехи, если ты таковых имеешь. И только вот тогда спасение. И вот я говорю: «что нам делать? Как нам спастись? Вот она и говорит, что только в Церкви православной и только в Храме должен молиться и покаяние приносить. И вот тогда Господь спасет эту душу.

Больше никакие веры там какие-то, никакие секты. Вот она конкретно это говорила. Спасение только в Божьем Храме, в православном. Вот, и Господь сказал, и Матрона сказала это. Вот надо ходить в Храм, молиться, и каяться. Вот где еще можно каяться? Вот, как она мне объяснила: прийти в церковь, помолиться, исповедаться и причастаться. Покаяние же вот это. Я и не понимала, когда Господь сказал: каяться надо. А я ж потом Матроне когда сказала, она мне объяснила, что когда в церковь человек приходит, там молится, просит у Господа и молится Ему, да. И ты приносишь исповедь батюшке, а потом ты на Причастие идешь. Вот тебе и покаяние. А многие тоже. Не многие, а люди не знают этого. Я же не знала, вот, например. И они не знают вот также. И им просто надо объяснять все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.